

А. К. БОРОВКОВ

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

История узбекского языка — дисциплина новая. Эту новую дисциплину вызвал к жизни интерес к культуре возрожденного после Великой Октябрьской социалистической революции узбекского народа. До образования Узбекской ССР речь шла о „среднеазиатско-тюркском“ или „чагатайском“ языке — по связи с историческим названием среднеазиатского монгольского удела преемников сына Чингиз-хана — Чагатая. Самый аспект изучения истории языка был иной. В конце XIX в. были дешифрованы древние тюркские орхонско-енисейские надписи. До этого известные по памятникам письменности языки древне-уйгурский и чагатайский признавались языками наиболее старой письменной традиции. Интерес к ним был обусловлен общими сравнительно-историческими соображениями. Когда усилиями В. Томсена и В. В. Радлова были дешифрованы орхонско-енисейские памятники тюркской письменности VII—VIII вв., в них стали искать „языковые“ исходные данные для сравнительно-исторического изучения тюркских языков и утрачен был в значительной мере интерес к „чагатайскому“ языку.

Для того чтобы понять процесс образования и развития узбекского литературного языка в связи с данными живого языка, современных народных говоров, необходимо исходить из конкретных исторических условий. Не все материалы для истории узбекского языка приведены в известность: только немногие памятники изданы, еще меньше изучено в лингвистическом отношении.

Среди сравнительно немногочисленных памятников узбекского языка раннего периода первостепенное значение приобретает любопытный во всех отношениях образец среднеазиатского перевода корана и комментариев к нему. Этот толковник (тефсир) найден был в 1914 г. в г. Карши, рукопись хранится ныне в Институте востоковедения АН СССР.

Необычный, вообще, факт перевода корана объясняется тем, что сразу после арабского завоевания новая религия распространилась в Средней Азии на местных языках.¹ В период монгольского нашествия деятельность буддийских миссионеров сильно поколебала позиции мусульманства, и духовенство одобрило переводы корана на местные языки — персидский и тюркские. Сохранился ряд подобных переводов XIV—XV вв.² Значение таких переводов для истории языка нельзя переоценить, самый характер буквальных „подстрочных“ переводов приближает их к двуязычным словарям, а обширные толкования в нашем тефсире и несомненная связь с живой речью своего времени еще более увеличивает ценность заключенных в нем языковых материалов.

¹ В. В. Бартольд. Ислам. Общий очерк. П., 1918, стр. 77.

² Ср. заметку Deny в „Journal Asiatique“ (janvier-mars, 1926, стр. 135—187); J. Schacht. Zwei osmanische Koran Kommentare. Orientalistische Literaturzeitung, 1927, стр. 747 и сл.

Автор тефсира не известен, не известно и время появления списка. По первому впечатлению „язык этого толкования показался... старее, чем язык старой редакции Рабгузи“.¹ С другой стороны, язык тефсира признавался „смешанным северно-южно-турецким, очень архаичным языком, причем северно-турецкие элементы в словарном отношении отчасти архаичнее, чем в «Кутадгу-билиге»“.²

Акад. В. В. Бартольд, характеризуя культурно-историческое значение этого среднеазиатского толковника, изложил также свои догадки и о его языке. Наиболее существенны следующие замечания В. В. Бартольда: 1) чем ближе к концу сочинения, тем чаще автор (тефсира) переходит с тюркского на персидский язык, который был, по видимому, его родным языком; 2) язык тефсира отнюдь не однороден. В смысле ‚пророк‘, кроме *жалавач*, употребительны слова *расул*, *па қамбар*, *елчи* (-елчи). К сравнительно позднему времени принадлежит персидское *мирзәдә*. Все это заставляет предполагать, что данная рукопись принадлежит, примерно, ко времени тимуридов, язык первоначального сочинения отчасти модернизирован.³

Таковы имеющиеся данные о языке интересующего нас памятника. Отдельные словарные элементы привлекал из тефсира С. Е. Малов.⁴

По всем признакам язык нашего тефсира приближается, как отмечалось уже, к языку „Кысас ал-анбия“ Рабгузи и примыкающих к этому сочинению XIV в. памятников более раннего периода, в том числе дидактической поэмы XI в. „Кутадгу-билиг“. На это указывают, прежде всего, фонетические и орфографические особенности. Язык тефсира относится к *δ*-языку, — в интервокальной позиции и в ауслауте после гласного следует *δ* (з) вместо *j*: *адқир* ‚жеребец‘, *қудәқј* ‚жених‘, ‚зять‘, *удағ* ‚бодрствующий‘, *адақ* ‚нога‘, *қоддлар* ‚оставили‘, *иддмиз* ‚послали мы‘, *қуді* ‚вниз‘, *қадбулуқ* ‚опечаленный‘, *адқј* ‚добрый‘, ‚хороший‘, *адрилди* ‚отделился‘, ‚удалился‘, *кедин* ‚после‘, *иди* ‚владыка‘, ‚хозяин‘, ‚бог‘, *кидәрләр кидимләри* (л. 3, 10) ‚одевают свои одежды‘ и т. д.

Однако *δ* в указанных позициях далеко не регулярен, много случаев *δ* || *j*: *қодди* (л. 38, 27) ‚оставил‘, *ајақлары* (л. 69, 1) ‚ноги их‘, *iji* (л. 39^б, 4) ‚хозяин‘, *ақј* (л. 128^б, 8) ‚хороший‘, *ајруллар* (л. 89^б, 7) ‚отделились‘, *кијәси* (л. 73^б, 5) ‚одеяние‘, *кијди* (л. 73^б, 5) ‚одел‘, *ујқудин ујаниб* (л. 68, 7) ‚пробудившись от сна‘, *қадбулуғ* (л. 65^б, 5) ‚опечаленный‘, *қажурди* (л. 55, 1) ‚опечалился‘, *идлар* (л. 47, 6) ‚послали‘ и т. д.

Вопрос о произношении *δ* неясен. В тефсире, как и в различных списках Рабгузи, равно, напр., в „Равнак ул-ислам“, наряду с *δ* || *j* встречаются иногда случаи *δ* || *з*, напр.: *будун* (146, 22), *бузун* (7, 9), *қоддлар* (146, 10) ‚оставили‘ и *қозсај* (109^б, 4) ‚если ты оставишь‘ и т. д.

В. Томсен и В. В. Радлов предполагали, что в определенных условиях *д* в орхонско-енисейских надписях произносилось как палатализованные *δ'* или *д'*, откуда эволюция *д' > δ' > j* в разных тюркских языках. П. М. Мелиоранский высказывался в том смысле, что у Рабгузи *δ* означал зубной „на конце корней“ глухой согласный, но не межзубный, а скорее пала-

¹ Зап. Вост. отд. ИРАО, XXIII, вып. III—IV, П., 1916, стр. 249.

² Азиатский музей Росс. Академии Наук, 1818—1918. Краткая памятка. П., 1920, стр. 41. — Th. Menzel. Das heutige Russland und die Orientalistik, II. Der Islam, XVII, 1928, стр. 78.

³ W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien. Asia Major, II, Fasc., I, 1925, стр. 125—127.

⁴ С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках. ЗКВ, V, Л., 1930, стр. 523. — Он же. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. Зап. ИВ АН СССР, I, Л., 1932, стр. 149.

тальный, оглушавшийся рядом с глухими согласными.¹ У Махмуда Кашгарского наряду с *idiš* (III 96, 2) 'посуда', 'чаша' или *қудуш* (I 313, 8) 'колодец', *бадрам* (I 221, 16) < перс. *бажрам*, т. е. как и по другим древним памятникам, в общем, три ряда корреспонденций: $\delta \parallel \delta$ (*m*); $\delta \parallel \delta$ (*э*); $\delta \parallel \delta \parallel j$.

Думается, что здесь сыграла роль древне-уйгурская орфография, перенесенная вместе с арабской письменностью на почву языка, в котором не было в отмеченных выше случаях чередований $\delta \parallel \delta \parallel i$ ни δ , ни δ , а только *j*. Во всяком случае для переписчиков тефсира δ был орфографическим анахронизмом, напр., всегда *boj* 'рост', 'стал' обычно *бззжк*, а не *бззжк* 'большой', и т. д.

Другой перевод корана в Ташкенте² также принадлежит к группе памятников δ -языка: *адкү* (4⁶) 'добрый', *иди* (5^a) 'хозяин', *қодуб* (5⁶) 'оставив' и т. д., причем язык этого перевода подновлен еще в большей мере.

Другой орфографической особенностью нашего тефсира является наличие *ф* в ясном значении *w*: *ew* (ایف) 'дом' (5⁶, 7), *суw* (سف) 'вода' (6, 7), *аша* (آفا) 'на охоту' (27⁶, 18), *жаwлақ* (يفلاق) 'очень' (55, 1), *жаwуз* (يفوز) 'злой', *жаwлаш* (بلاش) 'посланник' и т. д.³ По этому признаку орфография тефсира приближается к орфографии ташкентского (= наманганского) списка „Кутадгу-билиг“, в отличие от каирского, где обычно *w* (ذ).

Колебания вроде *аҗач* (59, 12) и *јаҗач* (66⁶, 16) 'дерево', *иссікіндін...* *иссіклікіндін* (38⁶, 16) 'от жары, тепла', и *исіс* (135, 6) 'теплый' или *елчі* и *елчі* (111⁶, 14) 'посол', *јарі* и *јару* (98, 8) 'помощь', *толі* и *толу* (106⁶, 18) 'наполненный' и т. д. отражают диалектальные особенности. Впрочем, $y \parallel i$ в *јндәкіл* и *індәді* (65⁶, 5) 'вызови' и 'позвал' могут указывать на этимологическую краткость обоих гласных. В африксах обычно $y \parallel i$, при известном преобладании *y*: *сөзјжкјм* (11⁶, 12) 'кости мой', *қолумузқа* (62, 6) 'в наши руки', *ешитдјм* (63⁶, 10) 'я слышал', *ајтлдум* (71⁶, 16) 'я сказал', *јаратлдум* (12, 2) 'я создал' и т. д. Эта фонетическая черта прослеживается в более поздних памятниках и в современных узбекских говорах самаркандско-бухарского круга.

Принципиальное значение имеют случаи отступления от сингармонистического правописания, напр., *мәккәл'к* (143, 30) и *мәккәліс* (143⁶, 5) 'мекканец' и т. д., если иметь в виду аналогичные отступления по ташкентскому списку „Кутадгу-билиг“, напр.: *орнікә... бурнікә* (17, 11), по каирск., соответственно, *орнікә... бурнікә*, ташк.: *тапсінкә* (45, 15) и т. д.⁴

Случаи „чекания“, т. е. $j \parallel ч$, восходят в тефсире, видимо, к различным диалектальным источникам, напр.: *јөрәсіндә* (48⁶, 9) и *чөрәсіндә* (43, 6) 'вокруг'; ср. совр. уйг. *чөрү* 'окружность', 'край' (Радлов, III, 2041), тур. *чешре* 'круг', 'округ', *чешресінде* 'вокруг', чагат. *чәшрә* 'приблизженные' (Радлов, III, 2000), в „Китаби-Коркуд“: *аҗ қојунлар кәлјб чөрәсіндә јатдјзј суw* 'о, вода, вокруг которой располагаются белые бараны',⁵ у Махмуда Кашгарского огузское *јјрә ringsum*,⁶ так же *јјз ашурсәј* (42⁶, 3) 'если

¹ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, XII, вып. II, и III, СПб, 1899, стр. 53—58. Он же. Араб-филолог о турецком языке. СПб, 1900, стр. XXXII.

² Ркп Института восточных рукописей Акад. Наук Узб. ССР, № 2003.

³ Ср.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог, стр. XXI.

⁴ С. Е. Малов. Из третьей рукописи Кутадгу-билиг. Изв. АН СССР, ОГН, 1929, стр. 738.

⁵ В. Бартольд. Китаби-Коркуд, III. ЗВО, XII, 040, 11.

⁶ С. Brockelmann. Mitteltürk. Wortschatz. Budapest-Leipzig, 1923, стр. 100.

отвратишь лицо и *jǰz çäwursä* (42^б, 6) 'если отвратит лицо' и т. д.; ср. тур. *jǰz çewürmek* 'отвратить лицо, презирать' (Радлов, III, 1999).

В поздней уйгурской редакции легенды об Огуз-хане ряд случаев *j* || *ç*: *yol* || *çol*; *yutsa* || *çutsa*; *yil* || *çil*; *yangʻaq* || *çangʻaq* и т. д., при известной условности *ç* || *dž*.¹

Выше было указано, что язык нашего тефсира произвел впечатление смешанного языка. Это впечатление создают, в частности, и некоторые другие фонетические черты. При обычных *ɣ*, *z*, после конечных узких гласных, напр.: *qamuɣ* (49^б, 6) 'весь, все' *qapuɣ* (132, 18) 'дверь', *toluɣ* (64^б, 1) 'полный', *uluɣ* (132, 18) 'великий', *qatıɣ* (39, 19) 'крепкий', 'твердый', *acıɣ* (67, 9) 'горький' и т. д., часты случаи отсутствия конечных *ɣ*, *z*, напр. *bu hisariñ iki uluɣ qapuci bar erdi* (132, 17) 'у этой крепости было двое огромных ворот', *qamusini... nafaqa qildi* (136^б, 4) 'все истратил на пропитание', *qamuɣ tıjrlıj* (66^б, 13), *köl tıjrlıj* (39, 6) и *öküsh tıjrlıj* (66^б, 7) 'разный', *uluci birlej alurлар erdi* (127, 7) 'большими (из них, весов) брали', *jǰz eli* (108^б, 5) '150' и т. д.

Наличие конечных *ɣ* и *z* после узких гласных есть черта, присущая языку орхонских надписей, памятникам караханидской эпохи, языку Рабгузи и более поздних среднеазиатских памятников. Отсутствие конечных *ɣ* и *z* является, в данном случае, особенностью языков „огузской“ группы. С другой стороны, в нашем тефсире обычны случаи чередования конечных *ɣ* || *к*. Это явление объяснялось влиянием одного из старых, но неизвестных языков, предполагалось, карлукского, однако это объяснение остается беспочвенным, пока у нас нет никаких к тому данных.

Также различного диалектального происхождения случаи чередования *т* || *д* в начальной и интервокальной позиции, напр. *дабан* (111^б, 5) 'ступня'; *тудақ* (134^б, 22) 'губы', *дәндјк биз сиздін* (84, 8) 'отреглись мы от вас', *дәлј* (57, 6) 'одержимый' (مَجْنُونٌ), ср. *tälü verrükt* (*γuzz*.);² *тәкјл* (140, 3) *дәкјл* (71, 6) 'не' (отрицание), *тіріклјкні* и *дирілдікдін сој* (96^б, 9) 'после оживления', *шам* (6^б, 5) и *дам* (38^б, 12) 'стена', *тјјрлј тјјрлј* (66, 8) и *һәр дјрлі* (122^б, 4) 'разнообразный', *таріс* (39^б, 1) и *даріс* (3^б, 2) 'посев', *ардінда* (112, 9) 'позади', *өдәр erdi* (91, 8) 'выполнял', *қадирлар* (43, 4) 'вернутся' и т. д.

Конечные глухие *қ*, *к* именных основ перед следующими суффиксальными гласными чаще остаются неизменными, напр., *топрақі* (144, 10) 'земля его', *јазуқі* (133^б, 7) 'грех его', *соруқі* (103, 2) 'спрашивание его', *узунлуқі* (132^б, 12) 'длина его', *қилдуқім* (70, 3) 'делание мое' и т. д. В таком же роде аффикс прилагательных обычно -*қі*; напр., *соңқі* (70, 3) 'задний', 'последний', *авақі* (32, 5) 'первый', *қолдақі* (140^б, 15) 'находящийся в руке', *арасіндқі* (30, 14) 'находящийся посередине' и т. д. Эта особенность отличает также язык „Кутаду-билиг“, напр., по ташкентскому списку: *јазқі* (17, 10) 'летний'; *тумиуқі* (18, 10) 'нос (клюв) его' и т. д., и Рабгузи.³ В отличие от языка Рабгузи, по известным спискам его сочинения, аффикс дательного-направительного падежа, независимо от конечного звука основы, т. е. и после глухих, и после звонких согласных, и после конечных гласных, преимущественно, как это имеет место, в частности, и в каирской и ташкентской (=наманганской) рукописях „Кутаду-билиг“,

¹ W. Bang und G. R. Rachmati. Die Legende von Oghuz Qaghan. Berlin, 1932, Index, стр. 37.

² С. Врокекелманн, ук. соч., стр. 202, *дәлј*. — П. М. Мелиоранский. — Араб-филолог, стр. 092.

³ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог, стр. XXVIII.

с глухим -к, напр., *jazıqa* (28⁶, 7) 'в поле', *qaznaqa* (28⁶, 21) 'в казну', *musaqa* (31, 29) 'Моисею', *darjaqa* (31⁶, 2) 'в реку', *qolumuzaqa* (62, 6) 'в наши руки', *anlarqa* (21⁶, 6) 'им', *farmanımqa* (23⁶, 7) 'моему приказанию', *misrqa* (28⁶, 27) 'в Египет' и т. д. Иногда: *jazısa* (38, 20), *musaqa* (28⁶, 21), *julduzqa* (38, 21) и т. п.

Язык нашего тефсира характеризует, так же как и язык Рабгузи и более ранних памятников, так называемое „вставочное н“, т. е. этимологически пока неясное *n* при локативных падежах после possessивного суффикса 3-го л., напр., *tıjbınkä* (29, 11) 'до дна', *iındä* (26⁶, 27) 'внутри', *sözindın* (146, 29) 'от слов его' и т. д.¹ Литературный язык в эпоху Навои и в последующее время не знает этой особенности.

Лексика тефсира еще в большей мере характеризует его разнообразные диалектальные источники и дает большой материал для определения эпохи этого памятника.

Ограничимся небольшим количеством примеров:²

сў 'войско', напр.: *far'un sısını kordılar... ajdılar far'un sısı birlä bızkä jetdi teb* (31, 27) 'увидели войско фараона... сказали: „фараон с войском настиг нас“'. Слово это известно в древне-орхонской письменности и в древне-уйгурском (RW, IV, 794; BG, 41; MW, 187). В нашем тефсире *sıj* довольно редко, чаще *черик* (BG, 18, MW, 53; III, 1967); из инд. (санскр.) *kiätirik* 'воин' (W. Radloff, *Tiastvustik*. ВВ. XII. 1910, стр. 62), а в одном случае поясняется персидским *lāshkār*; *far'un черик атбарди, екін күн фарун sısı birlä...* (31, 25) 'фараон снарядил в поход войско, на второй день фараон с войском...' *sısı birlä ja'ni lāshkāri birlä* (22⁶, 10) 'со своим войском, т. е. с войском своим' и т. д.

оқдул 'хвала'. Слово *оқти* или *оқди* 'хвала' засвидетельствовано в древне-уйгурском, в „Кутадгу-билиг“ и в других памятниках (RW, I, 1184; MW, 132, ср. *ögdilig* BG, 31), но в нашем тефсире эта форма *оқдұл* встречается, кажется, впервые: *оқдұл* (129⁶, 19) 'восхваленный' (ар. *المجيد*), *тақи аца турур оқидұл* (92, 11) 'также хвала ему', перевод ар. *وَلَهُ الْحَمْدُ*. Имеется и причастная форма *оқдұлмиш* (92⁶, 4) 'похвальный, достойный похвалы' (ар. *حصيد*). Аллегорическое имя, олицетворение разума в „Кутадгу-билиг“, именно, *Оқдұлмиш*, этимологически ближе соответствует *оқдұл + миш* 'der Gelobte' (RW, I, 1186).

байза, байса, пайза, 'верительная дощечка'. Слово распространенное в монгольскую эпоху из кит. *пай-цзы* 'знак'. В тефсире встречается в тексте пояснений к суре 19, где говорится о жителях Иерусалима — служителях культа, 'освобожденных от (податей) переписи' (*муһаррир ja'ni jazıqdın азад*) посредством „байсы“: *бу муһаррирликни анлар байза жарлиғдин тутдилар* (17, 4) 'это освобождение они получили через байсу и ярлык'. Выражение *байза жарлиғлиғ тарханлиғ* 'тарханство, подтвержденное пайзой и ярлыком,

¹ J. Schinkewitsch. Rabguzis Syntax. Mitteilungen des Seminars für Orient. Sprache, II Abteilung, Westasiat. Studien, Berlin, 1926, стр. 151.

² Ссылки на литературу и источники даны далее в сокращениях: АТ — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о тюркском языке. СПб., 1900; АТ II — С. Е. Малов. Ибн-Муханна о тюркском языке. Зап. Колл. Восток., III, вып. II, Л., 1929, стр. 221—248; BG — W. Bang und von Gabain. Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte. Berlin, 1931; MA — Замахшари. Мукаддимат ал-адаб, Ркп Инст. Восток. АН СССР, № 291. MW — С. Brockelmann. Mitteltürkischen Wortschatz nach Mahmud Al-Kasıaris. Divan lugat at-Turk. Budapest-Leipzig, 1928. P6r — П. Мелиоранский. Сказание о пророке Салихе (Из Кысасы-ль-Энбия Рабгузи). Сб. статей ученых проф. В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 279—303; P6r II — С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи. ЗВК, V, Л., 1930, стр. 507—525; RW — W. Radloff. Versuch eines Wörterbuches der türk-dialekte I—IV. 1893—1911; Ujg. — F. W. K. Müller I—III. Berlin, 1908—1911.

встречается в ярлыке XIV в. Тохтамыша и Тимур-Кутлуга (ИАН, 1926, стр. 1118).

Здесь же в тексте пояснений к суре 19 встречаются обычные для ярлыков термины *нишан* и *белгү*, в смысле 'свидетельство', 'подтверждение', 'знамение': *зикрия ајді... мәңә нишан керәк теб...* (XIX) 'Зикрия сказал... мне нужно подтверждение'; *сәниң оғлуңи кишиләрқә бәлгү нишан қилмақ һуджәт қилмақ тиләр* (XIX) 'сына твоего желает дабы людям делать свидетельство, доводы' и т. д. (ИАН, 1926, 1111).

Термины эти характеризуют эпоху XIII—XIV вв. и должны быть учтены для датировки тефсира.

кәлә 'речь', 'просьба' (?): *кәлә қилурман 'попрошу', ешиткәј ушитмаһ ичиндә јәуәз кәләчи јалған сөз бир бириндин* (123, 7) 'услышат в раю злоязычные вранье друг от друга' (= араб. لَا يَسْمَعُونَ فِيهَا لَعْوًا وَلَا كِذًّا أَبًا),

сорди кәлтмәчиқә ајтди ајтқил нә һаджати бар теди (143, 25) 'спросил просителя, сказал: „говори, какая имеется нужда (у тебя)“ и т. д.

У Махмуда Кашгарского *кәләчу* 'речь', слово гузское, (MW, 103), откуда *киличэй* в русских документах монгольской эпохи. Встречается еще в тюркских текстах XIV—XV вв. и в среднеазиатском памятнике XV в. — "Тазкирэ-и-авлия".

челеби 'господин', 'хозяин'. По поводу культурно-исторического значения этого слова существует специальная литература.¹ Впервые для Средней Азии *челеби* встречается в нашем тефсире² в указанном выше значении, напр., *аниң бир қарақули бар ерди ајтди ја челебим, сә ә нә болди* (65⁶, 5) 'у него был раб, сказал он, о, господин мой, что с тобой?', *челеби үчүн бәндәсин, бәндә үчүн челебисин* (60⁶, 9) 'за господина раба, за раба господина (пытают)' и т. д. (RW III, 1978, Будагов, I, 484). В одном случае синонимом *челеби* служит перс. *ходжа*: *қарабаши ајди, ја ходжа* (27⁶, 22) 'рабыня (служанка) сказала, о господин мой' и т. д.

қрим (= *қирим*) 'ров'. Напр.: *хејли-хашим и қа фарманладі бир улғу қрим* (قریم) *қазурди* (129⁶, 9) 'множеству приказал, заставил выкопать огромный ров'. Значение несомненно, поскольку слово это встречается в пояснениях к суре 85, в рассказе о „владыках рва“ (اصحاب الاعدود), где и уточняется: *ухдуд теміши ол қримнің оти турур* (129⁶, 17) 'название ров (أخذود) есть огонь того рва'.

Происхождение названия „Крым“, появившегося в XIII в., полагалось неизвестным,³ догадку, что „Крым“ из тюркского *кырым* 'ров', откуда украинско-польский перевод этого слова 'Перекоп', можно считать установленной.⁴

кәндү 'сам'. Напр., *өз-кәндү јикрәк билур* (29⁶, 15) 'сам (он) лучше знает' (RW II, 1081; MW 104; BG 23); наряду с этим часто *әт-өз*, напр.: *бир әт-өз ариң әт* (6, 10) 'сам (по-себе) чистое существо'; *әт-өз* очень употребительное слово в будд.-уйгурских текстах (AT II, 225).

ечі (= *ичи*) 'дядя по отцу'. Напр., *ја уммим-ја ечим* (27⁶, 14) 'о, дядя'; слово это известно по древне-орхонской письменности и древне-уйгурским памятникам (W. Barthold. Ein Denkmal, стр. 126; BG, 20; W. Radloff. Uig. Sprachdenkm, стр. 226).

¹ ЗВО, V, стр. 306. — ЗВО, XI, стр. 307—312. — ЗВО, XX, стр. 99 сл. — Enz. des Islam, I, 866.

² W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der verbreitung des Islams in Mittelasien. Asia Major, vol II, Fasc. I, 1925, стр. 126.

³ W. Barthold. Krim. Enz. des Islam, II, 1927, стр. 1162.

⁴ А. Крымский. История Турции и ее литературы, I. М., 1916, стр. 173.

бачиғ 'свидетельство', 'показание'. Напр., *бачиғ ја'ни шаҳадат* (16, 1) — MW *vaşuğ* 'Vertrag' (стр. 28).

самақ 'исчисление'. Напр. '*самақ анларқә самақ*' (16, 5) — перевод араб. *وَعَدَّ هُمُ عَدًّا*

ура 'столб', 'колонна'. Напр., *тамі барусі устуні алтіні ураларі барочі таи бірлә турпр* (39, 28) 'стены, башни, колонны, — все из камня'; *ша'ристан бина қилділар... ураларіні джумлә зәбәрджәдін бирјәзә бірла қилділар* (132⁶, 14) 'построили шахристан... колонны его все из топаза и бирюзы сделали' и т. д. По МА *اورا = ستون* (л. 52⁶), в современном хивинском узбекском говоре *ура* 'столб'.

адінә 'пятница'; *адінә күн* (51⁶, 13), *адінә тјүн* (48⁶, 3), МА *адінә күн*, *бір адінә* 'неделя' (л. 10^а) туркм. *анна* < перс. *آدینه* 'пятница'.

рупіја (= *руфіја*), перс. *روپیه* 'рупия'. Напр.: *бірісіні јјз рүфја алтунға сатар* (136⁶, 2) 'одного продают за сто рупий золота'. Это наиболее раннее упоминание рупии в Средней Азии. Еще упомянуты в тефсире (л. 116⁶) динары и дирхемы.

кәбүг 'лавка'. Напр.: *өтмәккі кәбүтінкә барді јрмақ чіқарді берді* (XVIII) 'отправился в лавку хлебника, вынул деньги, дал' и т. д. Слово *кәбін* 'лавка' (> русск. *кибитка*) известно по Махмуду Кашгарскому (MW 101) и по "Кутадгу-билиг" (RW II, 1197).

Большое количество слов совпадает с лексикой „Кысас ал-анбия“ Рабгузи, например, повторяются все, выделенные по РбГ II (стр. 522—525); большой ряд совпадений также со словарем Замахшари (МА). Но уже из приведенных примеров можно составить представление о лексическом составе тефсира и известной хронологической перспективе в словаре этого памятника.

О смешанном „скрещенном“ характере языка тефсира и невыработанности терминологии свидетельствуют также многочисленные случаи употребления слов различного происхождения в одном значении.

1. В значении 'город': *ел*, *улус*, *кәнд*, (= *кәнт*), *шәһәр*. Напр.: *јунан елчдә бір ел ерді ақсус атліғ... ақсус кәнді ічіндә...* (XVIII) 'в стране греков был город именуемый Аксус... в городе Аксус...'; *бір кәнд улус өзә* (37, 1) 'на один город' (= араб. *عَلَى قَرْيَةٍ*); *бір улусға тек-дләр ол улусниң башинда тјүшдләр ол улусдақі оғланлар улус ташинға чіқмиш ердләр ојнајур ердләр* (XVIII) 'дошли до одного города, остановились в начале того города; юноши того города вышли за город, играли'; *кәнд ічіндә* (7, 2) 'в городе' (араб. *فِي الْمَدِينَةِ*); *кәнтләріні діру зәбәр қилді* (61, 9) 'города их разрушил'; *шәһәр елларіндін* (94⁶, 5) 'из их городов' (= араб. *مِنْ قَرْيَةٍ*) и т. д.

В „Кутадгу-билиг“ в одном случае *ел күн* (KB, 26, 13) 'город', как и по ташкентскому списку (44, 9), по каирскому списку, соответственно, *ел кәнд*. Замахшари *бір еллік* переводит *һәмшәһри* 'согорожанин' и *бір кәндлік* как *һәм деһи* (МА, 5⁶) 'односельчанин'. Но в его же монгольском словаре „Мукадимат ал-адаб“ (М.—Л., 1928) *кент* (слово сакско-согдийского происхождения) всегда переводится *balγasun* 'город'. BG *känt* 'Stadt' (стр. 23); MW *känd* 'Stadt' (стр. 104).

2. 'Раб', 'слуга': *қарақул*, *қулам* (63⁶, 5), *бәнд*, *бәнда*, *қул күн* (31⁶, 31). Напр.: *азад тедјкі абу-бекр ал-сиддіқ ерді ша бәнд тедукі билал һабаш ерді* (73⁶, 2) 'свободным именуемый был Абу-Бекр и рабом именуемый был негр Биалль'; ср. *küng* (BG 27; RW II 1428; MW 117). Наряду *қарабаши кәнізәк* (5, 6) и *әрікләндік* 'рабыня', 'служанка', напр.: *әрікләндікі*

(اركلاندكى) *ja'ni қарабаши* (107, 12) 'служанка его, т. е. рабыня', ср. (АТ II, 227).

3. 'Бедный', 'бедняк': *жоқсул, жоқсуз, чиғаж, қариб* (29⁶, 31) *міскін, дервіш* (104⁶, 15). Напр. *бір жоқсулни бір бағса әсмәрләр ерді ол буларға табуғ қилур ерді* (47, 6) 'бедного делали слугой (?) богатого и он служил им'; *жоқсуз бај қилді* (137, 15) 'бедного сделал богатым' (RW, III, 408; W. Radloff, Kuap-si-im Pugar, В. В. XIV, 1911, стр. 42); *ол кім кемі ерді бір чиғаж заифні* (1⁶, 7) 'это была лодка бедняка' (RW, III 2062; MW 54; BG 19).

4. 'Брат': *қадаш; қардаш; қаріндаш*. Напр.: *һарун мәнім қадашим* (20, 6) 'Гарун мой брат', *әні* *қадаши* (14, 7) 'его брат' (= араб. أَخَا); *сізлінің қабуғиңға текді ерсә қіріб қадашимға тўшажін теб сақинді* (26⁶, 17) 'достиг он дверей (дома) сестры своей и подумал: зайду-ка я к сестре своей'; *еј һарунниң тиши қадаши* (13, 1) 'о, сестра Гаруна' и т. д. Иногда *қадаш* в смысле 'родственник': *қорқитғил қадашларіңні јақ јашуқиңні* (28, 30) 'устраши своих родных и близких', как в „Кутадгу-билиг“: *қадаш јат јашуққа јарінлиқ ұлә* (KB, 55, 3; RW II 316), по ташкентскому списку этот стих: *қадашқа јақиңқа јашуқлуқ ұлә* и т. д. BG *qadaš* 'Verwandter' (стр. 34); RW (II 316) 'друг', 'товарищ'; W. Radloff, Uig. Sprachdenkm (стр. 277) *қадаш* 'клант'; *бір біріңіз қаоиндашлар турур* (46⁶, 9) 'вы братья один другому'; *атам қардаши* (47, 2) 'брат моего отца, дядя' и т. д.¹

5. В значении 'рука': *елк* (40⁶, 8), *елик* (29, 23), *ел* (86, 4) *қол* (38, 27). Напр.: *ікі ел турур ікі ајақ турур* (106⁶, 10) 'две руки и две ноги; *қолі шә буді јуғун болур* (67, 3) 'руки и ноги их толстые бываюг' и т. д. (RW, I, 815; MW 20; BG 10; Radloff, Uig. Sprachd. стр. 264; RW, I, 806; RW, II, 583).

6. 'Хозяин', 'владыка', 'господин': *иді, іји (ijä), ічи (= ечи), әјә (aja)* *ходжа, челебі*. Напр.: *иді јарліғидін* (4⁶, 6) 'по приказу владыки'; *ол еш іјәсі* (143, 28) 'хозяин того дома'; *јерні қој іјисинкә әсбәрләді* (39⁶, 4) 'землю передал хозяину овец'; *іјісі (ایسی) ја'ни ечиси (ایچيسى)* 'владелец его (т. е. хозяин)' (= араб. صاحب); *јүк әјәләрі* (94, 6) 'хозяева грузов'; *улуғлуқ әјәсі* (83, 13) 'владыка величия', ср. по „Китаби-Коркуд“: *шә еј ал дудағим әјәсі (ایاسی)* 'увы, властитель моих алых губ'² и т. д.; *ешдін ходжа чикди* (XV II) 'из дома вышел хозяин' и т. д. (RW, I, 1507; MW, 64; P6g II, 509, I; MW, 64; BG, 20; С. Е. Малов. Из третьей рукописи Кутадгу-билиг, ИАН, 1929, стр. 747).

7. 'Низ', 'под': *алт, аст*, напр.: *јернүң алтінда* (99, 6) 'под землей'; *ақар әні* *алтіндін ариқлар* (3, 8) 'текут снизу их арыки'; ср. *сәни* *алтін ја'ни арқа* (12⁶, 7) 'твой зад (т. е. спина)'; *ікі дабан асти кәбі* (111⁶, 5) 'как две ступни' и т. д. RW, I, 400; MW *altyn* 'unter' (стр. 8).

8. 'Сторона': *јан, сіңар*: *оң јан сол јан* (1⁶, 10) 'правая сторона, левая сторона'; *оң сіңар... сол сіңар* (1⁶, 6) 'правая сторона, левая сторона' и т. д. (MW, 179).

9. Часто *оң* и *сағ* 'правый'. Напр., *оң јан сол јан* (1⁶, 10) 'правая сторона, левая сторона', *сағ јандін тақі сол јандін* (50, 16) и т. д. MA *сағліғ, соллуғ* (л. 5⁶). Так же часто *јақин* и *јашуқ* 'близкий', 'близко', напр. *әджәлім јашуқ болді* (145, 2) и *әджәлім јақин болді* (145, 8) 'мой смертный час приблизился' и т. д.

10. Интересно употребление глаголов в смысле 'делать': *јап* = RW (III, 260); MW 'bauen' (74): *қил-, ет-,* напр. *јинджудін білурдін тамларі јапті-*

¹ Ср.: С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. Сб. „Язык и мышление“, VI—VII, стр. 263, 268.

² В. Бартольд. Китаби-Коркуд, IV. ЗВО, XV, стр. 823.

лар алтун кјмишдін мајданлар қилділар (132^б, 14) 'из жемчуга и хрустала построили стены, из золота и серебра сделали площадки (полю)', бјдрјк дам јаптурді (38^б, 12) 'заставил построить большие стены'; аш етмиш ерді (146, 9) 'приготовил пищу' и т. д.

Разумеется, не может быть одного объяснения для всех случаев лексического разнообразия, отмеченного в тефсире. Литературная традиция, исправления переписчиков, местная диалектальная среда — все должно быть принято во внимание; так, напр., и в современных узбекских говорах существуют оғ и сағ 'правый', јақин и јошук 'близкий' и др. ¹ Есть какая-то разница в словаре первой и второй части (от суры 48 до конца) тефсира, например, в первой части обычно кәнд, во второй — шәһәр 'город', в первой части қадаш, во второй — қаричдиш 'брат' и др.

В. В. Бартольд предположил, что родным языком автора нашего тефсира был персидский. В этой связи большой интерес представляют иранизмы в тефсире. Во второй части тефсира сплошь и рядом встречаются параллельные переводы: (136, 12) и т. д. Часто тюркская фраза поясняется по-персидски (лл. 65^б, 12; 82, 16 и т. д.) или арабский текст толкуется только по-персидски (лл. 76, 17; 77, 3; 80, 6; 83^б и т. д.). Этим вопрос о родном языке автора все же не решается, иранизмы могли быть обусловлены и двуязычием переписчика и подлинником толковника.

Морфологические особенности нашего тефсира также сближают его с языком „Кысас ал-анбия“ Рабгузи и памятников более раннего периода, „Кутадгу-билиг“, в частности. Наиболее характерные морфологические особенности языка тефсира, вкратце, можно свести к следующим ниже.

Числительные порядковые на -ич: јичјич, төртінч, бешінч алтінч, јетінч (133^б, 2), сәкізінч (2^б, 2), јікірмі төртінч, јікірмі тоқснч (139, 17) и т. д., иногда -ичі, јичнчі (138, 17) и т. д.

Направительный падеж на -ру не только в случае табару, напр.: барча мәнім табару чікі јаар (146, 23) 'выходите ко мне', елкіні от табару елтти (29^б, 3) 'руки свои протянул по направлению к огню' и т. д.; наряду таба: тағ табасічка чік ді (146, 22) 'вышли к горе' и т. д.

Во второй части тефсира употребительна редкая в древне-орхонской письменности форма дательного падежа на -ича, напр.: еwinä барді (65^б, 5) 'отправился в свой дом', бір падиша бар ерді бір кјн washiricha ajtdi (65^б, 4) 'был падишах, однажды (он) сказал своему визирю' и т. д.¹

Преобладает прошедшее причастие на -миш, напр. ишләмиш иш (47^б, 2) 'содеянное дело', болмиш ерді (136, 3) 'стал' и т. д. Причастие на ған (-гән) редко, напр. ешиткән билән турур (44^б, 4) 'есть слушающий и знающий' и т. п. Вместе с тем, иногда явно 'юго-западная' или 'огузская' форма причастия прошедшего, напр.: аниј јернқә баран суw јинджу болур wä özgä јерä баран јағмур андаоғ суw болур (65, 6) 'идушая туда вода жемчугом становится, и в другое место идущий дождь тут же становится водою (рекою)' и т. д.

Встречается часто и причастие на -дук (-дјк) и производные от него формы: wä манат теdјкі тақі бір бут турур (59^б, 5) 'и есть еще идол, именуемый Манат'; көрдјкнкі хабар берді (41^б, 16) 'поведал о виденном', һеч јашузлуқ қалмадуқ болғай (140^б, 17) 'да не останется никакого зла' и т. д.²

Есть форма на -дачі,³ напр. јердәкіләр һәләк болдачі (65, 11) 'нахо-

¹ Ср.: С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. М.—Л., 1936, стр. 22.

² AT, I, LXXI. — С. Brockelmann. Mahmud al-Kasgharis Darstellung des türkischen Verbalbans. Keleti szemle, XVIII, Budapest, 1918, стр. 34.

³ Там же, стр. 31.

дящиеся на земле погибнут', *қиш қилдаци* (32, 1) 'жестокий', 'тиран', *јаратчи* (3^б, 8) 'творящий', 'творец' и т. д.

Причастие будущее двойного рода на *-буси* и *-аси*; по определению Махмуда Кашгарского, первая из этих форм „тюркская“ (= восточная, караханидская, кашгарская), вторая огузская (юго-западная).¹ Значение той и другой формы в тефсире одинаково, напр., *ва на ким јер озра болдаци турур һаллак болбуси турур* (65, 11) 'и всяк, кто пребывает на земле, погибнет', *на ким болмиш тақи на ким боласи турур* (133, 3) 'кто кем был, и кто кем будет', *биз саниз бирла тоқушасимиз јоқ* (143, 16) 'мы не намеревались с тобой воевать' и т. д.

В силе отрицательное деепричастие на *-мадин*, напр., *ман атам сөзин тутмадин кемид кирмадин суққа барқа болдум* (31^б, 25) 'за непослушание отцу (не слушая отца) я, не входя на корабль, утонул в воде' и т. д.²

Также жива старая форма отрицания возможности действия на *-ума*, напр. *фарманича хилаф қилумақ ај* (146^б, 3) 'дабы не смогли воспротивиться его приказу' (АТ, I, LXII—LXIII, АТ, II, 222).

Особый интерес представляет древняя форма 1-го л. мн. ч. прошедшего времени на *-димиз*, более регулярная, нежели встречающаяся форма на *-дук* (*-дйк*), напр., *хилаф қилмадимиз* (23^б, 2) 'мы не противоречили', *биз ешитдимиз* (146, 20) 'мы слышали' и т. д. (АТ, II, 223).

Обращает на себя внимание и форма 1-го л. мн. ч. настоящего-будущего времени на *-уз*, так напоминающая, наряду с предшествующей формой на *-димиз*, аналогичные явления в современном узбекском ташкентском (и в каршинском) говоре, напр. *биз қачан олауз топрақ болауз* (70, 1) 'мы когда умрем (и) станем прахом', *ани қилауз қалла расидә тақтичда ікәјуз* (70^б, 4) 'сделаем это, когда зерно выйдет, посеем', *биз тақи саниз бирла істауз қанча ким сач барсаз бирла баруз* (137, 8) 'и мы ищем быть с тобой, если ты пойдешь, мы пойдем с тобой' и т. д. Эта форма настоящего-будущего глагола является разновидностью „западной“ формы (ср. тур. *јајаріз*, туркм. *јазјас*, *јазјаріз*; в „Китаби-Коркуд“ III, 038, 14: IV, 3, 8 и т. д.), представленной в тефсире с причастием будущим, напр.: *ани сізму битјүрјүсіз ја бізму битјүрјүсіз* (171, 7) 'вы ли возвращаете то, или мы возвращаем', *биз ани... білмәуз мәјәр аниз 'ашрати бирла бирлашәуз* (139^б, 12) 'мы не будем его знать, только объединимся с его женой' и т. д. Налична и соответствующая форма предикативного местоимения 1-го л. мн. ч. на *-уз*, напр.: *биз фалачдин јікрәкіз* (141, 11) 'мы лучше такого-то' и т. д. Таким образом форма на *-уз* образуется или от деепричастия на *-а*: *қилауз*, или от причастия будущего на *-р* (=с отрицанием *-з*): *битјүрјүріз*, *білмәјүз* и т. д.

Таковы весьма и весьма краткие данные о языке нашего тефсира. Для истории узбекского, а также туркменского языка этот ценный источник представляет большой интерес. В процессе формирования литературного языка в домонгольскую и монгольскую эпохи сталкивались различные языковые традиции и местные диалектальные влияния. Между тем у нас, в конечном счете, не так много памятников, восходящих к XI—XIV вв., да и эти последние переписывались, большей частью, значительно позднее.

Наш тефсир по всем данным также является списком XIV или первой половины XV в., но сохраняет ряд архаических черт, которые и дадут возможность ближе подойти к оценке языковых явлений XI—XIV вв.

¹ С. Brockelmann. Mahmud al-Kasghari über die Sprachen und die Stämme der Türken im II. Jahrh. Körösi Csoma-Archivum. I Kötet, I Szam, Budapest, 1921, стр. 35.

² W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Л., 1927, примеч. С. Е. Малова, стр. 246—229.